

*Всем непокорным созданиям
и тем, кто их любит*

1

ОРИЕНТИРОВОЧНЫЙ ОБЛЕТ

Если считающие, что новая колония состоит исключительно из молодых пчел, которые были вынуждены мигрировать из-за старых, исследуют этот рой, то обнаружат, что часть его весьма потрепана, а часть молода настолько, что едва может подняться в воздух.

*«Лангстрот об улье и медоносной пчеле,
руководство для пчеловода» 1878 года*

У Джейкоба Стивенсона был самый высокий ирокез за всю историю старшей школы «Худ Ривер Вэлли». Насчет этого он был уверен еще до того, как это официально зафиксировали в ежегодном альбоме. Там на его голове возвышался настоящий черно-синий шедевр — сорок два сантиметра в высоту. Ну почти сорок два, больше тянет на сорок один и одну третью сантиметра, — но все-таки достаточно высокий, чтобы завистники не возникали. Джейкоб растил его целых полгода, разделяя на четыре шипа; нужной длины тот достиг только в прошлом году, перед весенними экзаменами.

Этим утром он критично осмотрел себя в зеркале и испытал немалое удовольствие от того, что ему удалось поддерживать ирокез уже больше года, несмотря на непредвиденные трудности. С ирокезом ты всегда борешься против притяжения — и в какой-то момент,

конечно, проигрываешь. Надо быть реалистом. Главное — сохранять максимальный объем на протяжении дня. Поникший ирокез — страшный конфуз, особенно для парня восемнадцати лет. Для поддержания прически Джейкоб испробовал множество средств — яичный белок, воск для укладки бороды, лак для волос и даже какой-то клей по дереву (и вот от этого было хуже всего). В конце концов он пришел к выводу, что лучше всего подходит смесь самого твердого воска и профессионального спрея для волос.

Вечером перед весенним концертом их джаз-группы Ной Кац снял с него официальные мерки. Они тогда оба были в черных смокингах, которые джазисты «Худ Ривер Вэлли» донашивали друг за другом последние двадцать лет. Джейкоб считал, что его волосы чудесно оттеняют пудрово-голубой пояс и бабочку. Он позировал Ною со своей трубой, а тот не переставал хихикать, наводя на него телефон, который в его лапше казался просто крохотным. Щеки Ноя тряслись от смеха:

— Улет, Стивенсон!

Кац был простой и добродушный парень. Они подружились еще в пятом классе, в школе «Мэй Стрит Элементарн», где тоже играли в группе — Джейкоб на трубе, Ной на тромбоне. У Ноя ирокеза не было. Но у него были совершенно сумасшедшие кудряшки, которые он называл «моя проблемка». В отличие от Джейкоба, он и не пытался заставить свои волосы бороться с гравитацией, а позволял им лежать как заблагорассудится — в основном чтобы досадить матери.

— Держитесь, дамы! — пропел он, разворошив свою шевелюру так, что она стала напоминать пушистый одуванчик и шелкнув заодно и самого себя. Потом они с Джейкобом завалились в пикап Ноя и рванули через весь город к школе. Как и обычно, они опоздали, и мистер Шафер взбесился, но он как будто бы всегда искал

причину на них наорать, так что ничего особенного тут не было.

Воспоминания об этом вечере всегда вызывали у Джейкоба улыбку. Он повернул голову направо, потом налево. Череп у него был гладко выбрит, но на обоих висках то там, то тут начала пробиваться щетина. Он повернул кран над раковиной, смочил махровое полотенце для рук в теплой воде и провел им по голове. Выдавив на ладонь мягкое облачко пены для бритья, он похлопал по щетине. Белая пена безлико пахла лимоном, как в какой-нибудь лечебнице, и его слегка затошнило. Он вдохнул через рот и взял бритву.

Ирокез воспитывает в тебе дисциплину. Нужно сперва помыть волосы (или по крайней мере, намочить их), расчесать, распределить воск по всей копне, поделить ее на секции, высушить под мощным феном и уложить лаком как надо, а затем сбрить щетину по бокам. В жаркие дни (а сегодня был именно такой) приходилось попотеть. Времени на все это уходило немало, но с этим все было ок. Времени у него теперь завались. Потратить два часа на прическу — раз плюнуть.

Мысль об этом ударила его под дых, как часто бывало, когда он по утрам сидел перед зеркалом. Короткие черные волосики на его черепе стояли под белой пеной твердо и уверенно, в отличие от него самого, Джейкоба Стивенсона, — или Джейка, как его звали все, кроме родителей. Джейк нервно слотнул. Все это было так тупо — и ирокез, и поставленный благодаря ему рекорд: чему тут вообще удивляться, пусть у него и самая высокая за всю историю старшей школы «Худ Ривер Вэлли» прическа. Джейк наверняка в принципе единственный, у кого *когда-либо* был ирокез в этом фермерском городке, где панков — ищи свищи, а ковбоев — хоть отбавляй. Ну еще это было тупо потому, что больше он не ходил в ту школу, вроде как выпустился оттуда в прошлом году.

Но в основном это было тупо потому, что стало единственным, чем он занимался каждый божий день — уложить, черт возьми, волосы, — раз уж визиты к врачу постепенно прекратились, а на сеансы физиотерапии он теперь ходил только раз в месяц, у него было все время мира, чтобы провести остаток своей жизни в инвалидной коляске.

Джейк оттолкнулся от зеркала и посмотрел на свое тело — худое, развитое только в груди и плечах. Ноги выглядели почти так же, как и раньше, но время от времени ему казалось, что они принадлежат кому-то другому.

«Вроде как» выпустился он из-за коляски. Администрация школы отправила аттестат родителям Джейка по почте, пока тот лежал в портлендской больнице в ста километрах от дома. Все учителя поставили ему проходной балл, хотя по паре предметов это было прямо щедро, — типа по физ-ре, вместо которой они с Ноем шли домой баловаться травкой перед обедом. Короче, Джейк перестал ходить в спортзал еще до рождественских каникул, но как выяснилось, даже мистер Маккена не настолько урод, чтобы завалить по физ-ре ученика, который проведет остаток своей жизни с параличом нижних конечностей. Ну хоть так, че.

Мать сообщила, что ему все-таки дадут аттестат, почти сразу же, когда он еще был под кайфом. Все это время она практически не вставая просидела рядом с его кроватью, бормоча, что Бог за ним присмотрит, и перечисляя всех, кто позвонил справиться о его здоровье — учителя, соседи, знакомые из церкви, даже почтальон. Часть этих имен была ему незнакома, но он не стал ничего говорить, чтобы ее не обидеть. Перед ним она старалась не плакать, но глаза за стеклышками очков в розовой оправе у нее были опухшие. Ненадолго ее лицо просветлело только тогда, когда она упомянула

церемонию вручения аттестатов — до нее на тот момент оставалось еще несколько недель.

— Мы так гордимся тобой, милый, — сказала она. — Твое имя будет в программе. Они попросили Ноя получить аттестат от твоего имени, так как ты не сможешь...

Ее голос задрожал, и она замолчала.

Джейк поморщился, лицо исказила гримаса.

— Так как я не смогу *ходить*, ты хочешь сказать?

Он принялся отрывисто смеяться, и каждый вырвавшийся смешок походил на лай. Это все наркоз, подумал он, но, конечно, дело было не только в этом. Джейк хохотал от самого слова «ходить», которое теперь приобрело совсем иное значение — теперь, когда он потерял ноги, свои молодые сильные ноги, которые катались на скейтборде, бегали и карабкались по скалам, ноги, которые он принимал как должное каждый день своей никчемной жизни вплоть до того момента, когда вдруг перестал ими пользоваться. Он не смог остановиться, даже когда мать спрятала лицо в ладонях и разрыдалась.

Каким же он был придурком, подумал он, смотря в зеркало. Подъехав поближе, он заметил, как сильно похудел за это время.

Еще Джейк смеялся потому, что слово «ходить» напомнило ему о мясистом злобном лице Эда Стивенсона — своего отца.

— Меньшее, что ты можешь сделать, — это донести свою ленивую задницу до вручения, — как-то сказал Эд. — Восемнадцать лет исполнится, получишь от нас свою ложку с вилок и катись куда хочешь.

Это было последней зимой перед выпуском, когда Джейк пришел к выводу, что оценки не имеют никакого значения, раз он лишился стипендии в музыкальном колледже, и, судя по всему, вообще может не закончить школу.

— Не беспокойся обо мне, Эд, — ответил Джейк.

С начала старшей школы он начал называть отца по имени, потому что его это ужасно бесило.

— Я свалю так быстро, что ты даже не заметишь.

Поняв, что мечта учиться в музыкальной школе все же от него ускользнула, Джейк решил переехать в Портленд. Он рассчитывал, что сможет поработать в магазине пластинок или кофейне где-нибудь рядом с клубами на востоке города. Подробно пока ничего не планировал, но не может же такого быть, чтобы в таком громадном городе не нашлось работы?

Но теперь он повредил позвоночник, а значит, его ленивая задница была прочно прикована к родительскому дому. В ближайшее время переездов ему не светило, и никто, включая Эда, не мог с этим ничего поделать.

Он провел пальцами по правой стороне черепа, протер кожу полотенцем и принялся вести бритвой по левой. От скрипа, который издавало лезвие, внутри было одновременно очень хорошо и как-то тошно.

Его отец был одним из шести строителей, работавших на «Клэар Констракшн», — а значит, часто задерживался на работе по будням, как сегодня например, и эти длинные и приятно одинокие часы приносили Джейку облегчение. На выходных было сложнее: Эд укладывался перед телевизором с пивком и упаковкой арахиса. В таких случаях Джейк не выходил из своей комнаты, слушал радио или сидел в интернете. Наушники не пропускали ни харкающий кашель отца, ни звук арахисовых скорлупок, отскакивающих от стенок стеклянной миски, ни ровный, всегда одинаковый гул толпы фанатов.

Джейк оглядел всю ванную. Прикрученные пониже раковина и зеркало, табуретка для душа, поручни на стене, расширенный дверной проем. У отца руки заправского плотника — ему бы ничего не стоило проделать это для своего единственного сына, который

только что вернулся из больницы и реабилитационного центра. Но Эд и пальцем не пошевелил. Все это устроила церковная община его матери: как же, у Тэнси Стивенсон, помощницы пастора, сейчас такое непростое время! Они провели благотворительный сбор и вместе с волонтерами успели закончить работу еще до того, как Джейк вернулся домой.

Обо всем этом ему рассказала мать. Она сидела рядом с процедурным столиком в своем лучшем выходном наряде — цветочном платье и добротных туфлях. Он понимал, что она не хотела задеть его гордость и притворялась, что не так уж им теперь и придется под него подстраиваться. Но Джейк знал, что для его матери одно то, что все эти люди притазились в их захирелый переносной дом*, чтобы помочь ее сыну и таким образом помочь ей самой, было знаком божественного провидения. Он лежал на столе и смотрел, как тренер показывал матери специальные упражнения от контрактур — постоянных сокращений мышц, из-за которых он будет выглядеть еще бóльшим фриком. В руках тренера его нога то сгибалась, то разгибалась обратно. Он не стал спрашивать, чем в это время был занят Эд: сидел перед телеком, наверное, и попивал пиво, пока достойные члены общины переделывали ему ванную. Зачем спрашивать, если он знал и так, что Эд не потрудится даже выйти из дома ради людей, которые пришли сделать за него его работу. Наверняка матери тоже пришлось нелегко. Но, как бы там ни было, он

* Дешевый дом, который стоит на цементных блоках. Если надо его перевезти на новое место, подсоединяются колеса и тягач. В таком доме нет отопления и жить в нем в целом опасно, но его выбирают из-за дешевизны. Если человек не может себе позволить даже такое место для жилья, то следующим этапом будет статус «без определенного места жительства».

мог самостоятельно пользоваться ванной и был за это благодарен.

Джейк приоткрыл окно и услышал, как по улице мчится машина и из колонок играет «I Will Wait» группы Mumford & Sons. Та самая песня. Сердце у него ухнуло вниз. Он покрутился на стуле и потянулся за спреем для волос. Осмотрел голую грудь и плечи в зеркале, потом напряг бицепсы и мрачно улыбнулся. Верхняя часть туловища у него теперь была сильнее, чем когда-либо, — чтобы хоть как-то убить время, он начал тягать железо.

Прошлой осенью, когда Джейк вернулся из реабилитационного центра, мать попыталась заставить его ходить в группу поддержки в Портленде. Даже умоляла позвонить местному наставнику, к которому он оказался приписан — лыжнику-паралимпийцу, живущему неподалеку в городе Мосьер. Она стояла в дверном проеме его комнаты, с руки свисала сумка — в полной готовности отправиться в церковь.

— Джейкоб, тебе надо выбраться из дома, — говорила она, — встретиться с кем-нибудь, взять себя в руки.

Взять себя в руки. Его захлестнула волна гнева, но он ничего не ответил, только заткнул уши наушниками и развернулся обратно к компьютеру. Он играл в «Томб Райдер» и выигрывал — победа-пустышка, ведь играл он против себя самого. Ну, по крайней мере, он не ответил ей какой-то колкостью. Она у него ведь очень милая, любит Иисуса и все такое. Она не виновата в том, что ее единственный сын, который с самого начала был неудачником, так здорово облажался.

А ведь они были даже не пьяные, даже не тепленькие, год назад, в тот странный теплый апрельский день. Кто-то притащил во двор к Тому Померою резиновую водную дорожку, чтобы прыгать на нее животом и скользить. Там было около двадцати человек — из девятого и десятого класса. Парни улюлюкали, девчонки визжали, скатываясь

вниз по лужайке. Когда Джейк бросился на облитую водой полосу, то почувствовал прилив радости. Он перестал с ужасом думать о жизни после выпуска и экзаменах, которые он, конечно, завалит, — хоть к гадалке не ходи. Он даже отвлекся от мыслей о потере стипендии в музыкальной школе, которая поначалу отзывалась сильной болью в груди, но постепенно уменьшилась и напоминала скорее саднящую рану, на которую время от времени можно было и вовсе не обращать внимания. Среди своих друзей, под теплыми лучами солнца, он снова чувствовал себя ребенком. Он пошел на крыльцо, и кто-то включил колонку. Mumford. Та самая песня. Всего мгновение, пара ничем не примечательных секунд, которые изменили его жизнь навсегда.

Джейк достал пиво из ящика со льдом и закурил сигарету. Обычно он к ним не притрагивался, но раз тут вечеринка, то почему бы нет? Он поднялся на второй этаж за Меган Шайн, которая рассказывала, как на весенних каникулах ездила с сестрами в Масатлан, куда их взяли с собой богатенькие родители. Меган была очень приятной девушкой, хотя ей, в общем-то, можно было и не стараться быть приятной, так как выглядела она просто сногшибательно. Даже на чирлидершу потянет. Блондинка, все дела. Типаж не его, конечно, но все же. Он что-то ей ответил, она рассмеялась и забрала у него банку. Запрокинула голову, чтобы отпить пива, и он украдкой посмотрел на ее красивую грудь. Даже если бы она заметила, как его взгляд нырнул между грудями в купальнике, проплыл по очаровательному плоскому животу и коротеньким розовым шортам, то не стала бы возражать. В этот момент кто-то схватил его за плечо. Это был Померой: он сжал Джейку руку и по-дружески шлепнул его по бритому виску.

Померой был хороший парень, но мужлан: из тех чуваков, которым всегда хочется продемонстрировать свою

силу — кто больше отожмется, может спрыгнуть с поезда на ходу в речку, прокатиться на скейте в темноте через туннели в Мосьере — и еще позовет всех посоревноваться. Он не боялся ничего и легко увлекался какой-нибудь дрянью, но в последний момент, как кот, всегда приземлялся на лапы.

Померой был крупнее и сильнее Джейка. Он играл в американский футбол, так что вообще Джейк бы никогда не согласился на подобную борьбу, пусть даже и в шутку. Но тогда он почему-то бросил сигарету и резко развернулся, чтобы обхватить мясистое туловище Помероя. Возможно, потому, что за этим, смеясь, наблюдала Меган. Джейк всем телом бросился на здоровяка и обхватил обеими руками за талию. Тот пошатнулся.

— Чтoб тебя, Стивенсон! — проорал он, поскальзываясь.

Вся эта история могла закончиться не так уж и плохо, если бы они не стояли на крыше второго этажа над террасой. Джейк свалился на землю — в полете его туловище скрючилось в воздухе и с жутким глухим ударом приземлилось на невысокую стенку, отделявшую розовый сад миссис Померой от проезжей части. Он глянул вверх и увидел, как Меган и Померой свесились через крышу и смотрят на него. Он хотел их рассмешить и крикнуть, что у него все в порядке, но это было не так. И теперь больше никогда и ничего не будет по-прежнему.

Не повезло, скажут ему позже врачи. Так они назвали неполное повреждение спинного мозга в одиннадцатом и двенадцатом позвонках его поясничного отдела.

Джейку поплохело от воспоминаний. Он сделал глубокий вдох и покатил по коридору в свою комнату. В голове опять начали крутиться непрошенные мысли.

Он никогда не будет ходить, сказал хирург, но сможет контролировать верхнюю часть туловища, так как

повреждение только частичное. *«Можете быть за это благодарны».*

Джейк уставился на мужика. Благодарен? Вот уж о чем он точно не думал. Он натянул любимую рубашку, застегнул все пуговицы, взял рюкзак и повесил на коляску. Повезло, что он хотя бы руками пользоваться сможет, сказала в больнице какая-то рыженькая медсестра, не смотря на мышечную асимметрию.

Джейк опустил солнцезащитные очки в нагрудный карман.

Тренер не уставал повторять, что в остальном он был абсолютно здоров. У него могла сложиться прекрасная жизнь. Джейк обеими руками поднял на подставку сначала одну ногу, потом другую. Напялив мартинсы, покатил по коридору, переехал через порог и по пандусу спустился на улицу.

— *Карьеру построишь*, — вспомнил он слова терапевта.

Он надел солнечные очки, засунул в уши наушники и увеличил громкость на айфоне. Сознание заполнил знакомый рокот ска-панка.

— *Может, в программирование пойдешь*, — предложила мама, кивнув сначала соцработнику, а потом Джейку. — *Тебе же нравится в свои игры играть?*

Маневрируя коляской по гравийному проезду, он выехал на велосипедную дорожку, которая змейкой тянулась вдоль всей улицы. Колеса поднимали за собой облака пыли и отшвыривали в сторону камешки. Он улыбался тому, как быстро едет. Коляска просто летала. Одноклассники собрали ему на нее денег, — а то пришлось бы ему ездить на той развалюхе, на которую хватало папиной страховки. Как рассказывал Ной, они объявили о сборе во время церемонии вручения аттестатов. Джейк радовался, что его там не было — пришлось бы каждому говорить спасибо, а это унижительно, — но за коляску он был благодарен. Теперь, когда весенние дожди сош-